

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Экзистенциальные основы «духовного рождения» Л. Н. Толстого

А. А. ГОРЕЛОВ

(Институт философии РАН)

В статье рассматриваются детерминанты «духовного рождения» русского писателя Л. Н. Толстого. Анализируется связь новых взглядов писателя с психологическими основами, приведшими к созданию учения, названного толстовством (вопреки желанию самого автора). Рассматривается рассказ Толстого «Записки сумасшедшего», в котором повествуется о случаях ужаса, тоски и отчаяния, неожиданно находивших на писателя несколько раз. После первого случая в Арзамасе Толстой стал посещать церковь и молиться, но это не помогло ему. Случаи ужаса прекратились только после того, как великий писатель внезапно почувствовал, что все люди — братья, дети одного Отца, как сказано в Евангелии. Таким образом, новые взгляды Толстого стали результатом интуитивного прозрения, а не рационального размышления. Мысли Л. Н. Толстого о самоубийстве были следствием осознания его отделенности от других людей. Но осуществлению тяги к самоубийству препятствовал страх смерти. И то и другое Толстой смог преодолеть, только создав свое собственное учение. Конечно, имели значение и другие факторы: ранняя смерть матери и отца, двух братьев писателя; рациональная компонента в виде влияния философов, прежде всего И. Канта и Ж.-Ж. Руссо; нравственная неудовлетворенность жизнью, которую Толстой вел в молодости и в зрелые годы уже после женитьбы. Основной причиной духовного рождения Толстого следует все же признать экзистенциальный опыт ужаса, который он получил непосредственно перед созданием своей системы взглядов. Эта система является не мифом, как полагают некоторые исследователи, а религиозно-философским учением великого мыслителя.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, экзистенция, духовное рождение, страх смерти, толстовство.

Слово «экзистенциальный» в названии статьи можно понимать двояко. Во-первых, в значении его как подлинного существования (Экзистенциализм, 1994: 532–534), поскольку «духовное рождение» Л. Н. Толстого подготавливалось во внутренних глубинах его личности, и, во-вторых, как принадлежащее экзистенциализму — философскому направлению, в котором сформулировано сходное с точкой зрения Толстого представление об этапах духовного восхождения человека. Для экзистенциалистов большое значение имел опыт переживания смерти, и он же стал для Толстого основополагающим и сыгравшим огромную роль в его «духовном рождении».

Толстой описывает свое «духовное рождение» в двух произведениях — одном автобиографическом, написанном сразу же после его преобразования, — «Исповедь» (1884), в другом художественном — «Записки сумасшедшего», написанном в последние годы жизни (1884–1903), опубликованном после смерти (1912) и считающемся неоконченным. «Исповедь» Толстого встает в один ряд с одноименными произведениями Августина и Ж.-Ж. Руссо. Русский писатель в нем не пощадил себя и использовал весь свой потенциал славы. Его «Исповедь» прокатилась по всему миру и произвела громадное впечатление на современников. «Записки сумасшедшего» до сих пор остаются малоизвестными широкому читателю.

В последнем автобиографическом произведении Толстой пишет о том, как он пришел к новому пониманию жизни. Обратим внимание на название. Это не обычное художественное произведение, как одноименная повесть Н. Гоголя. Толстой пишет о себе, а стало быть, называет сумасшедшим самого себя. В каком смысле? Не в медицинском, а в философском. Проведем параллель с античной философией, которую Лев Николаевич высоко ценил. И в частности, с философией древнеримского стоика Эпиктета, который организовал во II в. н. э. школу так называемой нравственной гимнастики, приобретшую большую популярность. В качестве первого шага на пути к нравственному самосовершенствованию (что Эпиктет и Толстой считали самым важным в жизни человека) античный философ предлагал своим ученикам «сойти с ума», т. е. отринуть тот обычный ум, которым живут обыватели, освободить дух человека от ложных стереотипов (вспомним слова Христа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» из Нагорной проповеди, которую Толстой ценил больше всех в Библии и, может быть, во всей литературе). После такого сумасшествия, по Эпиктету, можно приобрести новые взгляды и стать способным достичь нравственного совершенства. Думаю, что в этом же смысле надо понимать и заглавие данного автобиографического произведения Толстого.

В «Исповеди» Толстой называет сумасшедшими всех «богатых, ученых людей», говоря: «мы все сумасшедшие». В «Записках сумасшедшего» он употребляет это слово в прямо противоположном, эпиктетовском смысле. Описывая свое духовное прозрение, Лев Николаевич пишет: «...и вдруг (слово «вдруг» употребляется в этом произведении очень часто. — А. Г.) меня просветила истина... того, что мужики так же хотят жить, как мы, что они люди — братья, сыны Отца, как сказано в Евангелии. Вдруг как что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось» (Толстой, 1984: 416). Важно и то, что идет дальше и уже предполагает семейные разногласия. «Жена сердилась, ругала меня. А мне стало радостно. Это было начало моего сумасшествия. Но полное сумасшествие мое началось еще позднее, через месяц после этого. Оно началось с того, что я поехал в церковь, стоял обедню и хорошо молился и слушал, и был умилен. И вдруг мне принесли просвиру, потом пошли к кресту, стали толкаться, потом на выходе нищие были. И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем свет осветил меня, и я стал тем, что есть. Если нет этого ничего, то нет прежде всего во мне. Тут же на паперти я роздал, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищим и пошел домой пешком, разговаривая с народом» (там же). В этом отрывке Толстой пишет о том, что является сутью духовного рождения.

В главе XIX трактата «О жизни» (1888) свою новую истину Толстой определяет как бесконечное просветление и единение существ мира как частиц Бога. Толсто-

вская истина противостоит не только представлениям тогдашней царской России, высшие слои которой он критиковал, но и представлениям нынешней элиты. Мы сейчас часто слышим о том, что люди должны стремиться быть конкурентоспособными (конкурентность даже выставляют как национальную идею). А чтобы стремиться к конкурентоспособности, надо рассматривать находящихся вокруг тебя как других, если не чужих тебе. Толстой же пишет о прямо противоположном: о понимании всех людей как одинаковых по сути своей (по духу, который один во всех).

Возникает вопрос: зачем нужно духовное рождение? Возможно, что это закономерный естественный процесс. В мире имеет место развитие. Сначала идет добиологическая эволюция, затем — биологическая, а после нее — духовная. Данный процесс вероятностный. Духовная эволюция начинается с духовного рождения нескольких людей, постепенно их становится все больше. В человеке, как неоднократно указывал Лев Николаевич, идет постоянная борьба между духом и плотью. Итогом ее может быть духовное рождение. К экзистенциальным основам духовного рождения Толстого я и перехожу.

СТРАХ СМЕРТИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ДУХОВНОГО РОЖДЕНИЯ ТОЛСТОГО

Слово «экзистенциальный» — одно из модных философских понятий, которое на русский язык можно не совсем адекватно перевести как «подлинно существующий». Если человек делает что-то не ради денег, не потому, что так принято, а по велению души, то здесь и подходит термин «экзистенциальный». В качестве примера можно привести слова Толстого «не могу молчать». Он пишет, потому что не может поступить иначе. Экзистенциальные основы — это глубинно жизненные основы поведения человека. Экзистенциальной основой духовного рождения Толстого стал, по моему мнению, страх смерти. В тех же «Записках сумасшедшего» Толстой сообщает, что к своим новым взглядам он пришел в результате трехкратного ужаса вследствие страха смерти.

Первый ужас — арзамасский, названный по месту, где он случился. В 1869 г. Лев Николаевич поехал в Пензенскую губернию покупать имение. По дороге он остановился на ночлег в Арзамасе. Ночью ему стало страшно. Он попытался отогнать это чувство, но тщетно. «Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность права на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было ужасно... Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть» (Толстой, 1984: 410–411). Тут нельзя останавливаться, а надо дочитать до конца. «Я попробовал думать о том, что занимало меня: о покупке, об жене — ничего не только веселого не было, но все это стало ничто. Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз прошел, по-

смотрел на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же ужас красный, белый, квадратный. Рвется что-то, а не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало. Что меня сделало? Бог, говорят, Бог. Молиться, вспомнил я. Я давно, лет двадцать, не молился и не верил ни во что, несмотря на то, что для приличия говел каждый год. Я стал молиться» (там же: 411).

То, что это происшествие — не художественный вымысел, а реальный факт, подтверждает свидетельство самого Толстого. В сентябре 1869 г. Толстой писал жене о той ночи в Арзамасе: «Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал» (Толстой, 1938: 167).

Возвращаемся к «Запискам сумасшедшего». «И потом начал жить по-прежнему; но страх этой тоски висел надо мной с тех пор всегда... Домой я вернулся благополучно, именья не купил, денег недостало, и начал жить по-прежнему, с одной только разницей, что я стал молиться и ходить в церковь... И я стал набожен» (Толстой, 1984: 412).

Это подтверждается, в частности, в дневнике Софьи Андреевны Толстой. «Все более и более укрепляется в нем религиозный дух. Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне... По пятницам и средам ест постное и все говорит о духе смирения» (Дневник С. А. Толстой, 25.08.1877 г., см.: Толстой, 1996а: 219).

Тот же ужас повторился в Москве. «Я провел ужасную ночь, хуже арзамасской... Всю ночь я страдал невыносимо, опять мучительно разрывалась душа с телом. “Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придет? Боюсь еще хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть”. Я не выходил из этого круга. Я брал книгу, читал. На минуту забывался, и опять тот же вопрос и ужас. Я ложился в постель, закрывал глаза, еще хуже. Бог сделал это. Зачем? Говорят: не спрашивай, а молись. Хорошо, я молился. Я и теперь молился, опять как в Арзамасе; но там и после я просто молился по-детски. Теперь же молитва имела смысл. “Если Ты есть, открой мне: зачем, что я такое?” Я кланялся, читал все молитвы, которые знал, сочинял свои и прибавлял: “Так открой же”. И я затихал и ждал ответа. Но ответа не было, как будто и не было никого, кто бы мог отвечать. И я оставался один, сам с собой. И я давал себе ответы вместо того, кто не хотел отвечать. Затем, чтобы жить в будущей жизни, отвечал я себе. Так зачем же эта неясность, это мученье? Не могу верить в будущую жизнь. Я верил, когда не всей душой спрашивал, а теперь не могу, не могу. Если бы Ты был, Ты бы сказал мне, людям. А нет Тебя, есть одно отчаяние. А я не хочу, не хочу его. Я возмутился. Я просил Его открыть мне истину, открыть мне себя. Я делал все, что все делают, но Он не открывался... Я не верил в Него, но просил, и Он все-таки не открыл мне ничего. Я считался с Ним и осуждал Его, просто не верил... Эта московская ночь изменила еще больше мою жизнь, начавшую изменяться с Арзамаса» (Толстой, 1984: 413–414).

О своем тогдашнем состоянии Толстой неоднократно писал в письмах к жене: «...каждый день в 6 часов вечера начинается тоска, как лихорадка, тоска физическая, ощущение которой я не могу лучше передать, как то, что душа с телом расстанется» (15 июня 1871 г.) (Толстой, 1938: 226).

Третий раз это произошло в лесу. «Я испугался, остановился, и на меня нашел весь арзамасский и московский ужас, но в сто раз больше. Сердце колотилось, руки, но-

ги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать Бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с Ним нельзя, что Он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить Его прощенья и сам себе стал гадоком... С этого времени еще меньше и меньше меня занимали дела и хозяйственные, и семейные. Они даже отталкивали меня. Все не то казалось мне. Как, что было то, я не знал, но то, что было моей жизнью, перестало быть ею... Мне мерзко стало. Я сказал, что не могу купить этого имени, потому что выгода наша будет основана на нищете и горе людей» (Толстой, 1984: 415–416). А после этого идет уже приведенный выше текст об открывшейся Толстому новой истине.

Нельзя сказать, что страх смерти нашел на Толстого в Арзамасе неожиданно. Подобные переживания были у него и раньше и связаны со смертью близких людей. Так, после смерти брата Николая Толстой писал в дневнике: «Страшно оторвало меня от жизни это событие... Николенькина смерть — самое сильное впечатление в моей жизни... Опять вопрос: зачем? Уж недалеко до отправления туда. Куда? Никуда» (Дневник Л. Н. Толстого. 25.10.1860 г., см.: Жданов, 1993: 87). А за несколько дней до этой записи читаем следующее. «К чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманывания и кончится ничтожеством, нулем для себя... А правда, которую я вынес из 32 лет, есть та, что положение, в которое нас поставил кто-то, есть самый ужасный обман и злодеяние, для которого бы мы не нашли слов (мы, либералы), ежели бы человек поставил бы другого человека в это положение... “не Бог, а вы сами поставили себя в это положение”. Как же!.. А что поставил себя не я, в том доказательство, что мы столетия стараемся поверить, что это очень хорошо, но как только дойдет человек до высшей степени развития, перестанет быть глуп, так ему ясно, что все — дичь, обман, и что правда, которую он все-таки любит лучше всего, что эта правда ужасна. Что как увидишь ее хорошенько, ясно, так очнешься и с ужасом скажешь, как брат: “Да что же это такое?”» (Дневник Л. Н. Толстого. 16 октября 1860 г., см.: там же: 87).

Мы видим, что после арзамасского ужаса Толстой воцерковился, но это не спасло его от страха смерти и московского ужаса. Только после третьего случая — в лесу — Лев Николаевич постиг свою истину и успокоился. Экзистенциальный характер духовного рождения Толстого подтверждает и его письмо глубоко верующей двоюродной тетке Александре Андреевне Толстой, с которой он обсуждал все главные события своей жизни: «Для меня вопрос о религии такой же вопрос, как для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года два для меня представляется этой возможностью спасения; поэтому [ложному стыду] места быть не может. А дело в том, что как только я ухвачусь за эту доску, я тону с нею вместе; и еще кое-как [держусь на плаву], пока я не берусь за эту доску. Если вы спросите меня, что мешает мне, я не скажу вам, потому что боялся бы поколебать вашу веру, а я знаю, что это высшее благо. Я знаю, что вы улыбнетесь тому, чтобы могли мои сомнения поколебать вас; но тут дело не в том, кто лучше рассуждает, а в том, чтобы не потонуть, и потому я не стану вам говорить, а буду радоваться на вас и на всех, кто плывут в той лодочке, которая не несет меня» (Февраль 1877 г.) (см.: Жданов, 1993: 133–134). Толстого «несла» его истина, которая открылась ему после ужаса в лесу. Та истина, которую назовут толстовством.

*«ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» КАК ДОПОЛНЕНИЕ
ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВА «ИСПОВЕДИ»?*

Кто только не критиковал Толстого за его взгляды! Но редко кто упоминал «Записки сумасшедшего», которые я считаю ключом к мировоззрению Толстого (исключение составляют только несколько исследователей, в том числе Л. Шестов). Надо сказать, что и Лев Николаевич не опубликовал это произведение при жизни. Оно относится к неоконченным, хотя представляется вполне завершенным. А не публиковал его Толстой, мне кажется, потому, что оно казалось ему слишком интимным, глубоко личным. Он не рассказал о происшедших с ним ужасах даже в «Исповеди». Возможно, он не опубликовал «Записки сумасшедшего», потому что они расходились с ранее опубликованной «Исповедью», были как бы «Исповедью-2», более исповедальной и правдивой. Из нее следует, что истина Толстого — не плод наблюдений и размышлений, как показано в «Исповеди-1», а результат озарения. О мистических прозрениях «вдруг» в «Исповеди» нет ни слова. Не оставляет ощущение, что Толстой намеренно скрыл в «Исповеди», как он пришел к своим взглядам. В ней есть только один намек на ужас в лесу. «...Но я был как человек, заблудившийся в лесу, на которого нашел ужас оттого, что он заблудился, и он мечется, желая выбраться на дорогу, знает, что каждый шаг еще больше путает его, и не может не метаться» (Толстой, 1996а: 18). Здесь Лев Николаевич скрыл за словами «был как» то, что с ним действительно произошло.

Толстой не только не вводит нас в «Исповеди» в лабораторию своего мышления, но уводит от нее. «Исповедь» представляет собой рациональное обоснование ранее пришедшей ему в голову интуитивной истины. Немецкий математик Гаусс как-то сказал: «Вот мой результат, но я не знаю, как его получить». Толстой как философ главные усилия затрачивает на то, чтобы получить уже имеющийся у него результат. Он пытался убедить людей в своей истине, которая зависела не столько от его аргументов, сколько от силы его озарения. Русский гений по типу мышления принадлежал к пророкам.

Часто критика взглядов Толстого обходит тот факт, что человек не вправе произвольно менять истину, которая его озарила. Тем более что Толстому нужна была истина, которая его «несет». Будда говорил: «Мне не важно, из какого материала сделана стрела, для меня главное вытащить ее из своего тела». Так вот, подчас оппоненты критикуют описание Толстым «стрелы», забывая, что главным для него было вытащить ее, и с этой задачей (по крайней мере для себя) он удачно справился.

Можно сказать, введенные в заблуждение «Исповедью», в которой Толстой показывает, как он наблюдал и размышлял, критики пытаются найти логические ошибки в его построениях. А дело совсем в ином. Когда мы что-то интуитивно постигаем, логика отходит на второй план. Надо либо целиком принимать озарение, либо полностью отвергать. Сам Толстой в «Исповеди» отрицает возможность опытного и книжного нахождения ответа на свой экзистенциальный вопрос и, приходя к выводу, что ответ в личной вере и праведной жизни, попадает в порочный круг. С одной стороны, главное — не доводы разума, а вера, а с другой — «Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить» (Толстой, 1996а: 38). Критики указывают на это противоречие, но не видят, что для Толстого это не важно. И все их ухищрения рассыпаются как картонный домик.

Чаще всего оппоненты не задаются вопросом, каким образом Толстой пришел к своим выводам. Так, В. В. Зеньковский пишет, что «проблема смерти имеет решаю-

щее значение для духовных исканий Толстого», который «с силой и мучительностью переживал трагедию неизбежности смерти» (Зеньковский, 1956: 355, 356). Отмечая, что «в свете смерти жизнь открылась во всей своей непрочности; неотвратимая власть смерти превращала для него жизнь в бессмыслицу» (там же: 356), Зеньковский не сообщает, каким же образом Толстой преодолел эту ситуацию.

Реже оппоненты пытаются выявить причины, приведшие Толстого к его истине. Так, Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия» отмечает в качестве социальной причины, что 70-е годы XIX в. в России были годами острого религиозно-морального возбуждения, а в качестве личных причин называет: 1) недоумение (он цитирует «Исповедь»: «На меня стали находить минуты недоумения, остановки жизни, которые стали повторяться все чаще и чаще. Эти остановки выражались одинаковыми вопросами: “Зачем? ну, а потом?”» (Флоровский, 1991: 403); 2) тягу к смерти (опять-таки основываясь на «Исповеди»: «Я всеми силами стремился прочь от жизни... Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее, и, между тем, чего-то еще надеялся от нее... и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни» (там же: 403). Тяга к смерти таким образом выводится из стремления к самоубийству.

Название первой причины само по себе как таковое вызывает недоумение, поскольку недоумение в качестве причины слишком слабое слово для характеристики состояния Толстого (хотя он сам употребил его). Гораздо больше подходят здесь другие слова — «остановка жизни», «ужас». Вторая причина Флоровского противоположна страху смерти и основывается на недоразумении. Приведенные в ее подтверждение слова из «Исповеди» «Истина одна — смерть» характеризуют взгляды Толстого до «духовного рождения». Толстой боялся, что застрелится, не потому, что у него была тяга к смерти, а потому, что он не мог решить проблему жизни и преодолеть страх смерти. Сам же Флоровский пишет: «То был страх перед конечным исчезновением или уничтожением» (там же: 403). На самом деле страх противоположен тяге к смерти. Дальше православный мыслитель говорит об «ужасе небытия» и приводит еще одну цитату из «Исповеди»: «Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь» (Толстой, 1996а: 32). Затем Флоровский делает вывод: «И кризис разрешился тогда, когда родилось новое чувство жизни, когда *вернулась* уверенность, что в мире человек *не один*» (курсив автора. — А. Г.) (Флоровский, 1991: 404). Здесь приоткрывается логика спасения Толстого от страха смерти. Представление о тождественности человеческих душ и их тождественности с Богом позволяет от представления о бессмертии Бога перейти к представлению о бессмертии человека, если он следует замыслу Бога и его велениям.

СТРАХ СМЕРТИ, ТЯГА К САМОУБИЙСТВУ И ОДИНОЧЕСТВО

Французский социолог Э. Дюркгейм установил, что главной причиной самоубийства являются ощущение и реальность одиночества, которые испытывает человек. Но та же причина вызывает и страх смерти (а «На миру и смерть красна»). Страх вообще возникает, по свидетельству экзистенциалистов, перед лицом Ничто, когда человек чувствует себя покинутым и обреченным. Более того, утверждается, что состояние страха только и может открыть человеку подлинное бытие. Одиночество в отсутствие страха смерти ведет к самоубийству, а в соединении со страхом смерти может позволить выработать такой взгляд на жизнь, который соединит человека с другими людьми и Богом. Страх смерти препятствует самоубийству, к которому

ведет чувство отъединенности, и оказавшись в этой ситуации, человек, во-первых, страдает от данного противоречия, а во-вторых, преодолевая его духовно (как в случае с Толстым), утверждает в точке зрения, противоположной преобладавшей в нем прежде.

Интересно, что как религиозные философы, такие как Г. Флоровский и Н. Бердяев, так и оппоненты-атеисты утверждали, что у Толстого не было мистического опыта. Но смерть, как писал сам Толстой, говорила с ним, а это тоже мистический опыт. Толстой неоднократно отмечал также, что у него было ощущение, что Бог ведет его. Когда Лев Николаевич пришел к взглядам, составившим основу его учения, или когда они захватили его? Вполне возможно, еще в раннем детстве. А может, он родился с ними? В «Кратком изложении Евангелия» Иисус Христос говорит Петру: «Не плотское рассуждение и не я своими словами открыл тебе это, а Бог Отец мой прямо открыл тебе это» (Мф. XVI, 17). Так и Толстому открылось его учение, а затем он начал поверять им христианство. Открылось не сразу и не целиком. «Помню, что я тогда (в пятнадцать лет. — А. Г.), хотя и смутно, но глубоко чувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, в смысле Евангельском, в смысле самоотречения и любви», — писал Толстой в статье «Верьте тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в вас (Обращение к юношеству)» (Толстой, 2000а: 127). В ранней повести «Казачья» автобиографический герой Толстого восклицает: «Ничего же для себя не нужно». Но «смутное сознание той неправды, среди которой шла моя жизнь», пребывало втуне, так как, пишет Лев Николаевич, я «не был свободен от всеобщей одури» (Толстой, 1997а: 301).

Долгое время как бы два существа боролись внутри великого писателя, причиняя ему страдания. Герой пьесы «И свет во тьме светит» Альтер-эго Толстого Николай Иванович объясняет, зачем нужны страдания: «Роды не бывают без страданий. То же и в духовной жизни» (Толстой, 2010: 864). Вопреки расхожему мнению, что «в здоровом теле здоровый дух», Лев Николаевич говорил, что «...духовный рост совершается, когда физические силы слабеют, и в той мере, как они слабеют» (по: Маковецкий, 1996: 49). Прошло еще много лет, пока отдельные мысли, разбросанные в дневниках и художественных произведениях, вдруг стали твердым убеждением Толстого, которое помогло ему преодолеть мучающий его страх смерти, так что теперь он мог сказать: «И потому страшна смерть только тому, кто живет только телом. Для того же, кто живет душою, нет смерти» (Толстой, 2000b: 149).

Толстой жил, боясь смерти, а после «духовного рождения» прозрел и ужаснулся. И стал писать о насилии над простым народом. «Так как же здесь, в этих наших деревнях, на нас напала слепота, и мы не видим той лещетки, которой мы зажали хвосты тех людей, которые страдают для нашего веселья?» (Толстой, 1997b: 77).

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и рациональную компоненту «духовного рождения» Толстого и влияния извне — как мыслителей древности, так и непосредственных предшественников, прежде всего И. Канта и Ж.-Ж. Руссо. Канта — в плане формирования религиозных убеждений русского писателя. Немецкий философ писал: «Я признаю следующее положение не нуждающимся ни в каком доказательстве: все, что человек думает делать угодного Богу, кроме доброй жизни, есть только религиозное заблуждение и суеверие» (цит. по: Толстой, 1994: 76). Руссо повлиял на Толстого в плане критики социального неравенства.

Но одной рациональной компонентой взгляды Льва Николаевича не объяснить. Герой пьесы «И свет во тьме светит» восклицает: «Не делать ничего по рассужде-

нию, а только тогда, когда требует все существо» (Толстой, 2010: 864). Здесь Толстой следует экзистенциалистскому требованию, в соответствии с которым в мышлении участвует весь человек целиком. Сам Лев Николаевич так и поступал, но он хотел разумом обосновать то, что требовало его существо, и выдвинул три доказательства правильности своих взглядов: 1) совесть; 2) опыт всей жизни; 3) мудрость мира, от Сократа до Рёскина. Но убедить других, и даже жену, было выше его сил. «Я спасся от отчаяния тем, что пришел к истине», — писал Толстой Софье Андреевне, и добавлял: «...ты сразу стала во враждебное отношение к тому, что было для меня спасением и возвращением к жизни» (Толстой, 1996b: 235).

Отдельные стороны учения яснополянского гения привлекали к себе сочувственное внимание читателей, но последователей, полностью принявших толстовство, было немного. Лодка, которая «несла его», подходила лишь для избранных, что не уменьшает значения Толстого как мыслителя. Современный автор утверждает: «Ужас смерти становится для него состоянием мифологического прозрения и условием отрицания цивилизации, которая не смогла якобы за все тысячелетия своего существования породить миф, преодолевающий страх умирания. Толстой сам создает этот миф, в котором война становится аллегорией цивилизации... Толстой советует бегство от ужаса смерти и цивилизации в миф о бессмертии и разумности родового начала человека» (Голова, 2010: 942–943). С этим можно согласиться с той существенной оговоркой, что взгляды Толстого — это не миф, а религиозно-философское учение. Благодаря ему Толстой справился со страхом смерти и в последние годы жизни спокойно говорил: «Другие имеют страх, а у меня страха смерти не бывает» (по: Маковецкий, 1996: 164). Учение его, получившее название толстовства, стало творческим основанием преодоления страха смерти и обретения духовной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голова, С. (2010) Миф, роящийся из страха смерти // Толстой, Л. Н. Полное собрание рассказов и пьес в одном томе. М. : Альфа-Книга. 976 с. С. 942–948.
- Жданов, В. А. (1993) Любовь в жизни Льва Толстого. М. : Планета. 304 с.
- Зеньковский, В. В. (1956) История русской философии : в 2 т. М. : Иностранная литература. Т. 1. 428 с.
- Маковецкий, Д. П. (1996) Яснополянские записки // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 8. 278 с. С. 25–29.
- Толстой, Л. Н. (1938) Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Художественная литература. Т. 83 : Письма к С. А. Толстой 1862–1886. 638 с.
- Толстой, Л. Н. (1984) Записки сумасшедшего // Толстой, Л. Н. Собр. соч. : в 12 т. М. : Правда. Т. 12. 511 с. С. 406–417.
- Толстой, Л. Н. (1994) Одумайтесь! // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. : Мамонтовский дом, Музей русской народной живописи. Вып. 5. 194 с. С. 67–86.
- Толстой, Л. Н. (1996a) Исповедь // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 7. 240 с. С. 9–40.
- Толстой, Л. Н. (1996b) Из письма С. А. Толстой от 15–18.12.1885 г. // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 8. 278 с. С. 235.
- Толстой, Л. Н. (1997a) Воспоминания о суде над солдатом // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 10. 340 с. С. 299–303.

Толстой, А. Н. (1997b) Так что же нам делать? // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 10. 340 с. С. 12–135.

Толстой, А. Н. (2000a) Верьте тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в вас (Обращение к юношеству) // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 11. 278 с. С. 127–128.

Толстой, А. Н. (2000b) Беседы с детьми по нравственным вопросам // Толстовский листок = Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. М. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 11. 278 с. С. 146–150.

Толстой, А. Н. (2010) Полное собрание рассказов и пьес в одном томе. М. : Альфа-Книга. 976 с.

Флоровский, Г. (1991) Пути русского богословия. Вильнюс : б/и. 600 с.

Экзистенциализм (1994) // Краткая философская энциклопедия. М. : Издательская группа «Прогресс-Энциклопедия». 576 с.

Дата поступления: 10.12.2013 г.

THE EXISTENTIAL FOUNDATIONS
OF THE “SPIRITUAL BIRTH” OF LEON. TOLSTOY

A. A. GORELOV

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article examines the determinants of the “spiritual birth” of Russian writer Leo Tolstoy. The author analyzes the connection between new views of the writer and psychological foundations, which led to the creation of a new doctrine called Tolstoyism (despite of Tolstoy’s will). The author considers his story “Notes of a Madman”. It narrates about cases of horror, melancholy and despair, which Leo Nikolaevich felt unexpectedly a few times. After the first case in Arzamas, Tolstoy began to go to church and pray, but this did not help him. The cases of horror disappeared only when the great writer suddenly felt that all people are brothers, children of one Father, as it is told in the Gospel. Therefore, Tolstoy’s new views were the result of an intuitive clarification, but not of a rational reflection. His thoughts of suicide were a consequence of his perception that he was alienated from other people. Nevertheless, the fear of death prevented the desire for suicide. Tolstoy could overcome these feelings only when he had created his doctrine. Certainly other factors mattered as well: 1) both parents and two brothers of the writer died early; 2) there was a rational component manifested in the form of the influence of philosophers (most notably of I. Kant and J.-J. Rousseau); 3) Tolstoy had a moral dissatisfaction with life in his early and middle years and after his marriage. However, the main reason of the spiritual birth of Tolstoy was the existential experience of horror. Tolstoy had gained this experience just before he developed his system of views. This system is not a myth as some researchers think, but it is a religious philosophical doctrine of the great thinker.

Keywords: Leo N. Tolstoy, existence, spiritual birth, death anxiety, Tolstoyism.

REFERENCES

Golova, S. (2010) Mif, rodiashchiisia iz strakha smerti [Myth Coming from the Fear of Death]. In: Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie rasskazov i p'es v odnom tome* [Complete Collection of Stories and Plays in One Volume]. Moscow : Alfa-Book Publ. 976 p. Pp. 942–948. (In Russ.).

Zhdanov, V. A. (1993) *Liubov' v zhizni L'va Tolstogo* [Love in the Life of Leo Tolstoy]. Moscow : Planeta Publ. 304 p. (In Russ.).

Zenkovskii, V. V. (1956) *Istoriia russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy] : in 2 vols. Moscow : Inostrannaia Literatura Publ. Vol. 1. 428 p. (In Russ.).

Makovetskii, D. P. (1996) Iasnopolianskie zapiski [Notes in Yasnaya Polyana]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy’s Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow ;

St. Petersburg : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 8. 278 p. Pp. 25–229. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1938) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 90 vols. Moscow : Khudozhestvennaia Literatura Publ. Vol. 83. 638 p. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1984) *Zapiski sumasshedshego* [Notes of a Madman]. In: Tolstoy, L. N. *Sobranie sochinenii* [Complete Works]: in 12 vols. Moscow : Pravda Publ. Vol. 12. 511 p. Pp. 406–417. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1994) *Odumaites'!* [Change Your Minds!]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow : Mamontovskii dom, Muzei russkoi narodnoi zhivopisi. Vol. 5. 194 p. Pp. 67–86. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1996a) *Ispoved'* [Confession]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. St. Petersburg : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 7. 240 p. Pp. 9–40. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1996b) *Iz pis'ma S. A. Tolstoy 15–18.12.1885* [From the Letter to S. A. Tolstoy 15–18.12.1885]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow ; St. Petersburg : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 8. 278 p. Pp. 235. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1997a) *Vospominaniia o sude nad soldatom* [Recollections of a Trial of a Soldier]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow ; St. Petersburg : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 10. 340 p. Pp. 299–303. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1997b) *Tak chto zhe nam delat'?* [So What's to Be Done?]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow ; St. Petersburg : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 10. 340 p. Pp. 12–135. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (2000a) *Ver'te tomu vechnomu, razumnomu i blagomu nachalu, kotoroe zhivet v vas* (Obrashchenie k iunoshestvu) [Believe the Eternal, Rational and Virtuous Principle, which Lives in You (A Speech to Humankind)]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 11. 278 p. Pp. 127–128. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (2000b) *Besedy s det'mi po npravstvennym voprosam* [Discussions with Children on Moral Matters]. *Tolstovskii listok = Tolstoi i o Tolstom* [Tolstoy's Paper = Tolstoy and about Tolstoy] / comp. by V. A. Moroz. Moscow : “Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva” Foundation. Vol. 11. 278 p. Pp. 146–150. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (2010) *Polnoe sobranie rasskazov i p'es v odnom tome* [Complete Collection of Stories and Plays in One Volume]. Moscow : Alfa-Book Publ. 976 p. (In Russ.).

Florovskii, G. (1991) *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. Vilnius. 600 p. (In Russ.).

Ekzistentsializm (1994) [Existentialism]. In: *Kratkaia filosofskaia entsiklopediia* [Concise Philosophical Encyclopedia]. Moscow : Progress-Encyclopedia Publ. 576 p. (In Russ.).

Submission date: 10.12.2013.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 119842, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14. Тел: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Gorelov Anatoly Alekseevich, Doctor of Science (philosophy), chief research fellow, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Tel.: +7 (495) 697-91-28. Postal address: 14 Volkhonka St., Moscow, Russian Federation, 119842. E-mail: evolepis@iph.ras.ru